

И. В. Малыгина

Российская идентичность в контексте культурных «разломов» глобального и локального

В статье анализируются основные тенденции динамики российской идентичности в условиях глобализации.

Ключевые слова: Родовая, этническая, национальная идентичность, глобализация, Россия, культура, кризис, культурный плюрализм

I. V. Malygina

The Russia's Identity in the Context of the Cultural "Breaks" of Global and Local

This article analyzes main trends in Russia's identity in the globalized world.

Keywords: tribal, ethnic, national identity, globalization, Russia, culture, a crisis, cultural pluralism.

Идея движения к единой культуре и «общепланетарному этносу» оказалась одной из величайших иллюзий современности, с которыми мир расстается с большей или меньшей степенью разочарования. Вопреки активным интеграционным процессам, этнокультурное и ментальное многообразие современного мира не только не сокращается, но становится все более сложным и конфликтным. Проект глобального мира, «мира без границ», важной парадигмой мышления и социального взаимодействия сделал именно феномен границы.

Как оказалось, в современном мире, который бесконечно мигрирует, в ситуации тотальных социальных деконструкций, потребность человека в укорененности и принадлежности становится чрезвычайно важной. Парадоксальность ситуации заключается в том, что проницаемость и пластичность границ территориальных в полной мере компенсируется нарастающей плотностью культурных границ, которые все больше смещаются в ментальное и экзистенциальное пространство. В связи с этим особое значение приобретает фактор идентичности, ставший «объяснительным принципом» многих современных процессов.

В самом общем виде под этнокультурной идентичностью следует понимать сложный социально-психологический феномен, содержание которого включает 1) осознание индивидом общности с этнонациональным образованием на основе разделяемой культуры; 2) глубинное эмоциональное, почти сакральное переживание этой общности и

3) культурные практики ее манифестации, как индивидуальные, так и коллективные.

Есть основания утверждать, что феномен этнокультурной идентичности сформировался исторически как следствие подсознательного стремления человека к преодолению разрыва первоначального синкретизма.

С того самого момента, как предчеловек «выпал» из лона природного мира, вся последующая история отмечена и прямо противоположной тенденцией – стремлением человека преодолеть этот разрыв и обрести новые формы единства с окружающим миром. Именно поэтому постепенное освобождение человека от естественных природных связей заставляло искать их замену в социуме, которую на разных исторических этапах обеспечивали *род, этнос или нация*. Осознавая свою причастность к ним («и я этой силы частица»), человек достигал доступного ему способа переживания единства с окружающим миром.

Таким образом, говорят, как минимум, о трех основных исторических модификациях этнокультурной идентичности – родовой, этнической и национальной, которые в процессе филогенеза не отрицали друг друга, а развивались по принципу взаимодополнительности и напластования.

Поэтому к сегодняшнему дню мы имеем дело с феноменом, обладающим сложной внутренней структурой и весьма подвижными внешними границами. Образно его можно представить в виде перевернутой пирамиды, основание которой образует *родовая идентичность*; средний слой –

этническая идентичность и верхний, самый широкий слой, – *национальная идентичность*.

Между тем, в рамках научной и публицистической риторики обсуждается проблема *кризиса* национальной идентичности, который с полным основанием можно рассматривать как общемировой тренд современности. Основной приметой кризиса называют ослабление и даже утрату связи индивида с собственной культурой и этнонациональным образованием и формирование «глобального человека», для которого тезис Филиппа Бока «культура... – это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом» [2, с. 17], утрачивает прежний смысл и эффективность.

Причины кризиса – это отдельная проблема, требующая специального изучения, но на одной из них в рамках данного текста остановиться необходимо. Эта причина заключается в заметном ограничении влияния наций (национальных государств), которые, по мнению современных аналитиков, становятся все менее адекватными глобальному мировому порядку [5, с. 132], утрачивают статус как «главных действующих лиц глобальных событий» [8, с. 34], так и «единиц выживания» (Н. Элиас), уступая эти функции военно-политическим блокам, экономическим союзам, сетевым организациям и т. д. Следствием этой тенденции становится видимое снижение значимости национальных оснований в структуре социальной идентичности индивида. То есть идентификационный ресурс современных национальных государств оказался если не исчерпанным, то весьма слабым.

Данная тенденция отмечается во всем мире, однако в России кризис национальной идентичности обрел особую остроту, что обусловлено особенностями культурно-исторического и социально-политического развития страны.

Прежде всего, нужно вспомнить, что формирование общенациональной российской культуры и соответствующей формы идентичности в России произошло достаточно поздно и вплоть до конца имперского периода она не имела сколько-нибудь важного значения и носила скорее «факультативный» характер по сравнению с иными основаниями и формами социальной солидарности, такими как конфессиональная, словесная и др.

Советский период отечественной истории тоже не способствовал формированию собственно *российской* идентичности, поскольку у народов Советского Союза (в том числе, русского) на

протяжении десятилетий доминировало осознание принадлежности к многонациональной общности «советский народ» и соответствующее ему самоназвание «советский», в то время как самоидентификат «россиянин» был практически не востребован.

Это обстоятельство вносит особый драматизм в российский сценарий кризиса идентичности, проявившегося на фоне не просто ослабления авторитета национального государства, а краха такой супердержавы, каким был Советский Союз.

Формирование идентичности новой *постсоветской* России было адекватно социальным и экономическим вызовам постсоветской эпохи, также не способствующим укреплению национального единства: «парад суверенитетов», расслоение общества по экономическому признаку, формирование на рыхлом этнокультурном фоне «культуры бедных» и «культуры богатых», поколенческий разрыв, – все эти процессы стимулировали дифференциацию общества и фрагментацию идентичности россиян.

К перечисленным обстоятельствам осталось добавить аморфное состояние отечественной культуры, распад ее ценностно-смыслового ядра, обусловленные тем, что в течении XX в. в России трижды происходила радикальная смена культурно-символического кода и оснований социальной солидарности: от системы ценностей, основанной на идеалах православия, – к идеалам и ценностям коммунистической идеологии и культуры социализма и затем – к эфемерным принципам свободы и демократии.

В условиях отсутствия национального проекта, концепции цивилизационного и социально-экономического развития государства, но при наличии гласности и свободы слова эти новые для России идеалы обрели формы культурного плюрализма и нравственного релятивизма, указывающих на глубокий мировоззренческий кризис в обществе, на отсутствие единого культурно-символического кода, а соответственно, и на отсутствие культурных оснований социальной консолидации и идентичности.

Таким образом, культурный плюрализм, который, как принято считать, является стимулом для развития либеральной государственности и толерантности в странах Европы, в России стал дополнительным фактором реакции распада в обществе, а соответственно, и кризиса идентичности.

Важно понимать, что за понятием кризиса *российской* идентичности стоит отнюдь не ее деградация или тотальное разрушение. Скорее

следует говорить о сложных структурных трансформациях данного феномена, их суть в изменении доминирующих идентификационных оснований, результатом которых становится усложнение контуров и расширение границ.

Поиски новых оснований идентичности оформились в российском обществе в две доминирующие тенденции, по своей сути совпадающие с общемировыми. С одной стороны, в сторону расширения ее границ и формирования нового наднационального (цивилизационного) уровня в ее структуре; а с другой – в сторону локализации границ и актуализации локальных, партикулярных оснований идентичности.

Причем на российской «почве» проявление данных тенденций может быть охарактеризовано как новый виток традиционного для отечественной культуры и самосознания противоречия между «западничеством» и «славянофильством», или в современной лексике глобализма и антиглобализма: желанием утвердиться как органичной части западноевропейской цивилизации, с одной стороны, и стремлением обосновать преимущество и сохранить самобытность русского пути и отечественной культуры, с другой. Развитие данных тенденций в России носит противоречивый и конфликтный характер.

Анализируя первую тенденцию, важно учитывать, что опыт вхождения России в глобальное пространство уникален, отличен от большинства западных стран. Для нашей страны этот процесс не был поступательным и органичным: после окончания «холодной войны» и падения «железного занавеса» Россия, переставшая быть мощным единым государством, в ее новом государственном статусе оказалась «вброшенной» в глобализирующееся мировое пространство, где ей только еще предстояло осознать свой новый статус, и обрести новую цивилизационную идентичность.

Очевидно, что в поисках наднациональной, цивилизационно-культурной идентичности Россия, при всем обаянии идей евразийства, исторически тяготеет к западноевропейской модели.

Вопрос о принадлежности России к «большой Европе» и европейской идентичности россиян возник не сегодня, а как минимум после петровской реформы, которая, по выражению Г. Федотова, поставила Россию «на перекрестке всех великих культур Запада, и создала породу русских европейцев» [6, с. 178].

Сильнейшее европейское влияние на русскую культуру признавали и другие мыслители, даже

такие последовательные защитники ее самобытности, как К. Н. Леонтьев, не без досады заметивший: «Вера у нас греческая издавна; государственность со времен Петра почти немецкая <...>; общественность французская, наука до сих пор общеевропейского духа» [4, с. 350]. И добавил: «Своего у нас – только один национальный темперамент, чисто психический строй» [Там же], имея в виду, очевидно, то обстоятельство, что идентичность европейская «приживалась» на российской почве с трудом.

Казалось бы, кто усомнится в европейской идентичности России в XX в.? Но и сегодня говорить о ней приходится с большой осторожностью, хотя бы потому, что Европейский союз и европейское сообщество не стремятся включить в свой состав Россию. Это свидетельствует о том, что современные транснациональные формы идентичности приобретают выражено конвенциональный характер. Поэтому формирование новой наднациональной формы российской идентичности еще не завершено, и говорить о ней можно лишь как о тенденции.

Вероятно, поэтому второй вектор трансформаций российской идентичности оказался обращенным в прямо противоположную сторону и свидетельствует о глубоко продвинувшихся процессах фрагментации и локализации ее культурных оснований.

Как свидетельствуют процессы, разворачивающиеся во всем мире, глобализация культурного пространства сопровождается возрождением, расцветом этнических культур. Для многих народов осознание принадлежности к определенной этнической группе стало гораздо более важным и надежным средством социальной консолидации и адаптации, чем национально-государственная принадлежность.

В целом, явление «этнического Ренессанса» затронуло большинство народов современного мира. Однако в России эта тенденция также обрела специфические черты.

С одной стороны, это гипертрофированная центростремительность процессов денационализации и этнизации российских народов, которая проявилась в бурном росте этнического самосознания и резком увеличении числа этнических общностей, зафиксированном в ходе последних переписей населения. С другой стороны, время показало, что подобный всплеск этнического самосознания не принес желаемого результата, поскольку был обусловлен не столько возвратом к базовым культурным ценностям традиционных

культур этнических сообществ, сколько желанием народов, подогреваемым национальными элитами, как можно скорее установить границы, отгородиться друг от друга. Это позволяет говорить о чрезмерной идеологичности российской версии «этнического ренессанса», в процессе которого «этнический фактор политизировался и стал инструментом борьбы за власть» [3, с. 33–34].

Все эти обстоятельства позволяют утверждать, что подобные формы этнического самоопределения не способствовали утверждению этнической идентичности для большинства народов России, поскольку идентичность предполагает не только манифестацию принадлежности к определенной этнокультурной общности, но и отражает процессы глубинного эмоционального, почти сакрального переживания такого единства, как в актуальном, так и в историческом контекстах.

Сложности этнического самоопределения стимулировали в российском обществе поиск новых идентификационных и консолидирующих оснований, стали одной из причин «сублимации» поисков идентификационных оснований в сторону региональных, локальных форм идентичности, обладающих выраженным этнокультурным ресурсом.

Причинами возрождения региональной/локальной идентичности стали, по мнению отечественных этносоциологов, особенности социально-политического реформирования постсоветской России, развития федеративных отношений, которые явились уступкой центра национальным элитам республик в условиях серьезно кризиса солидаристских ценностей [1, с. 23].

Однако не менее важной причиной активного формирования локальных идентичностей является потребность в глубинных ценностных основаниях самоопределения современного человека. В связи с этим нам представляется чрезвычайно важным вывод, к которому приходит Н. Н. Федотова, заметив, что люди, которые вынуждены «жить глобально», нередко сакрализуют свой локальный опыт. А пласт сакрального в идентичности личности в условиях глобализации определен именно локально. Именно оно характеризует наиболее личное, глубоко укорененное в человеке. Это сфера, где человек соотносит себя с фундаментальными ценностями, со смыслополаганием и дорогами сердцу источниками своего становления [1]. Именно в этом смысле, – заключает автор концепции, – локальная идентичность может быть рассмотрена как вид сакрального, сохраняющегося при всех возможных изменениях [1].

Таким образом, культура локальных сообществ (региональная, местная) содержит в себе мощный идентификационный ресурс, основанный на местной традиции. В культурно-символическом пространстве локального сообщества формируются самобытные образы идентичности, этнически окрашенные способы манифестации уникальности и самобытности культуры, от имени которой выступает индивид.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что актуализация партикулярных оснований идентичности стимулирует тенденцию к фрагментации российского культурного пространства, утрате его целостности и единства и, соответственно, сдерживает формирование общероссийской идентичности.

Таким образом, мы можем констатировать, что кризис идентичности, ее сложные трансформации являются важным фактором социокультурной динамики, не учитывать который невозможно.

Если говорить о перспективах России, то начинать следует с основополагающих моментов, без которых теряют смысл все остальные размышления и усилия: для того чтобы Россия эффективно развивалась и конкурировала в глобальном пространстве, она для начала просто должна быть. Не номинально, в геополитическом значении (здесь при всех трудностях у России крепкие позиции и внятные перспективы). Россия должна, во-первых, сохраниться как государственная и, что не менее важно, культурная целостность; во-вторых, отчетливо осознавать себя как таковую, то есть обладать устойчивой, позитивной идентичностью, без чего невозможна действенная мотивация общества к достижению успеха в глобальной конкуренции.

Библиографический список

1. Дробижева, Л. М. О социальных и политических проблемах формирования толерантности [Текст] / Л. М. Дробижева // Публичная сфера и культура толерантности. Общие проблемы и российская специфика. – М., 2002.
2. Ионин, Л. Г. Социология культуры [Текст] / Л. Г. Ионин. – М., 1996.
3. Костина, А. В. Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности [Текст] / А. В. Костина : автореф. ... д-ра. культ. – М., 2009.
4. Леонтьев, К. Н. Восток, Россия и славянство [Текст] / К. Н. Леонтьев // Соч. – М., 1912. – Т. 6.
5. Нарочницкая, Е. А. Национальный фактор в эпоху глобализации [Текст] / Е. А. Нарочницкая //

Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты / РАН ИНИОН. – М., 2000.

6. Федотов, Г. П. Письма о русской культуре [Текст] / Г. П. Федотов // Федотов Г. П. Судьба и грехи России : в 2-х т. – Т. 2. – СПб., 1992.

7. Федотова, Н. Н. Мультикультурализм и политика развития [Текст] / Н. Н. Федотова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9. – № 3.

8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? [Текст] / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1.

Bibliograficheskij spisok

1. Drobizheva, L. M. O sotsial'nykh i politicheskikh problemakh formirovaniya tolerantnosti [Tekst] / L. M. Drobizheva // Publichnaya sfera i kul'tura tolerantnosti. Obshchiye problemy i rossiyskaya spetsifika. – М., 2002.

2. Ionin, L. G. Sotsiologiya kul'tury [Tekst] / L. G. Ionin. – М., 1996.

3. Kostina, A. V. Sootnosheniye i vzaimodeystviye traditsionnoy, elitarnoy i massovoy kul'tur v sotsial'nom prostranstve sovremennosti [Tekst] / A. V. Kostina : avtoref. ... d-ra. kul't. – М., 2009.

4. Leont'yev, K. N. Vostok, Rossiya i slavyanstvo [Tekst] / K. N. Leont'yev // Soch. – М., 1912. – Т. 6.

5. Narochnitskaya, Ye. A. Natsional'nyy faktor v epokhu globalizatsii [Tekst] / Ye. A. Narochnitskaya // Protssesy globalizatsii: ekonomicheskiye, sotsial'nyye i kul'turnyye aspekty / RAN INION. – М., 2000.

6. Fedotov, G. P. Pis'ma o russkoy kul'ture [Tekst] / G. P. Fedotov // Fedotov G. P. Sud'ba i grekhi Rossii : v 2-kh t. – Т. 2. – СПб., 1992.

7. Fedotova, N. N. Mul'tikul'turalizm i politika razvitiya / N. N. Fedotova // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. – 2006. – Т. 9. – № 3.

8. Khantington, S. Stolknoveniye tsivilizatsiy? / S. Khantington // Polis. – 1994. – № 1.